

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Монголоведение

Зарождение монголоведения относится к началу XVII в. и исторически связано с продвижением России на Восток, где она пришла в непосредственное соприкосновение с монголами и установила с ними торговые и политические связи. Для развития деловых связей требовались лица, практически владевшие монгольским языком. Такие люди имелись в ту пору в пограничных областях.

Первоначально и преподавание монгольского языка обусловлено было потребностью в переводчиках. Первая школа такого рода была открыта при иркутском Вознесенском монастыре в 1724 г.

Среди практиков — знатоков монгольского языка заметной фигурой был А. В. Игумнов (1761—1834). Ряд лет служил он губернским переводчиком в Иркутске и преподавал монгольский язык в Иркутской духовной семинарии. Кроме того, он известен как собиратель монгольских рукописей и ксилографов. Был также прекрасно осведомлен в области этнографии и религии местного населения¹.

В начале второй половины XVIII в. делается первая попытка создать практическое пособие для изучения монгольского языка. Имеются сведения, что некий Василий Иванович (фамилия не установлена) написал «Разговоры мунгальско-русские»; рукопись этого разговорника поступила в Публичную библиотеку². Вероятно, к этому же времени относится и анонимный рукописный монгольско-русский тематический словарь, который передан был в АМ, по-видимому, из Кунсткамеры³.

Наряду с утилитарными целями уже с начала XVIII в. появляется интерес к изучению монгольского языка и в на-

¹ Об А. В. Игумнове см.: Л. С. Пучковский, Александр Васильевич Игумнов (1761—1834), — ОИРВ, III, стр. 166—195.

² И. А. Бычков, Каталог собрания рукописей П. И. Саввантова, вып. I, СПб., 1900, стр. 172.

³ АВ, Р. I, оп. 3, № 36 (4 тома).

учных целях. Об этом свидетельствуют, например, работы акад. Т.-З. Байера (1694—1738), который кроме других восточных языков занимался и монгольским. В его трудах имеются отдельные замечания о монгольской письменности⁴.

Со времени создания АН научные интересы в области монголоведения концентрировались главным образом вокруг собирания рукописей и ксилографов. Ученые, совершавшие путешествия по поручению АН, привозили монгольские рукописные материалы.

Среди первых собирателей монгольских рукописей известен Д. Г. Мессершмидт (1685—1735), который по возвращении из путешествия по Сибири, Забайкалью и Монголии⁵ привез в Петербург некоторое количество рукописей. Точных сведений о его коллекции нет.

Особенно успешно собирал рукописи и ксилографы И. Иериг (?—1795), о страсти которого рыться в монгольских книгах писал еще Я. И. Шмидт⁶. Собранные им в экспедиции П. С. Палласа и во время самостоятельных путешествий материалы вошли в состав первой коллекции монгольских рукописей и ксилографов АМ. Его научные труды были высоко оценены Буличем⁷. К сожалению, его работы по языку, литературе и быту монголов остались неопубликованными⁸.

Собирал рукописные монгольские материалы и известный историк Сибири акад. Г. Ф. Миллер (1705—1783). Он также знакомился с сибирскими архивами, в которых хранились документы о русско-монгольских отношениях⁹.

Значительное количество рукописных материалов по монгольскому языку собрал акад. И. Э. Фишер (1697—1771) за время восьмилетнего путешествия по Сибири. Однако и они остались неопубликованными.

В последней четверти XVIII в. появляются печатные труды, относящиеся к различным вопросам исследования Монголии. Первые шаги в этом направлении были сделаны участниками упомянутых экспедиций АН¹⁰. Стали появляться статьи и в периодической печати того времени¹¹.

Упомянув работы П. С. Палласа, следует отметить, что

⁴ См., например: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 11, 20.

⁵ ТААН, вып. 4, стр. 25—30.

⁶ Донесение о составленном Я. И. Шмидтом руководстве для изучения монгольского языка, — см.: Чтения АН, стр. 96.

⁷ С. Булич, Очерк истории языкознания в России, I, стр. 402—403.

⁸ АВ, ф. 21.

⁹ «Портфели», — ЛО ААН, ф. 21.

¹⁰ Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 114, 162, 130 и др.

¹¹ Там же, № 160; «Месяцослов исторический и географический на 1797 г.», стр. 51—83.

сам он монгольского языка не знал и большей частью полученных сведений обязан был своему переводчику И. Иеригу, «вероятно первому из европейцев, ознакомившемуся в подлинниках с произведениями монгольской литературы»¹².

С созданием АМ туда были переданы из Кунсткамеры и Библиотеки АН монгольские рукописи и ксилографы. На протяжении XIX и первой половины XX в. в АМ продолжали поступать собрания монгольских письменных памятников, и в настоящее время их собрание в ЛО ИВ является одним из богатейших в мире.

В первой половине XIX в. научное изучение Монголии в стенах АН неразрывно связано с именем крупного монголоведа Я. И. Шмидта (1779—1847). Он первый прочитал и перевел дипломатические письма ильханов Персии¹³. Более ста лет его перевод был основой для ряда переводов и исследований, на что указывал еще В. Л. Котвич¹⁴.

Монгольская летопись Саган-Сэцэна (полный текст с немецким переводом и обширными комментариями)¹⁵ явилась крупным вкладом Шмидта в изучение монгольской филологии. В последующие годы были опубликованы его первая грамматика монгольского языка и монгольско-немецко-русский словарь¹⁶. Словарь Шмидта получил в свое время высокую оценку видного русского востоковеда В. В. Григорьева¹⁷.

В процессе изучения монгольской литературы Шмидт издал также перевод пекинской версии монгольского эпоса «Гэсэр»¹⁸. Оценивая вклад Шмидта в изучение монгольского языка и литературы, Г. Д. Санжеев отмечал, что «Шмидт своими изданиями текстов монгольского эпоса Гэсэриады и исторического сочинения Саган-Сэцэна дал начало тем монументальным исследованиям монгольской филологии,

¹² В. В. Григорьев, — «Финский вестник», 1847, т. 22, отд. 5, стр. 7.

¹³ I. J. Schmidt, Philologisch-kritische Zugabe zu den von Abel-Régnasat bekannt gemachten in den Königlichen französischen Archiven befindlichen zwei mongolischen Originalbriefen der Könige von Persien Argun und Oldshäitu, St.-Pbg., 1824.

¹⁴ В. Л. Котвич, Поправки к разбору монгольских писем персидских ильханов, — ЗКВ, I, стр. 342—343.

¹⁵ I. J. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus, St.-Pbg., 1829.

¹⁶ I. J. Schmidt, Grammatik der Mongolischen Sprache, St.-Pbg., 1831; Грамматика монгольского языка, СПб., 1832; Я. И. Шмидт, Монгольско-немецко-русский словарь, СПб., 1835.

¹⁷ В. В. Григорьев, Монгольско-русско-французский словарь, составленный О. Ковалевским, Казань, 1844 (рец. «Финский вестник», 1847, т. 22, отд. 5, стр. 7).

¹⁸ I. J. Schmidt, Die Thaten Bogda Gesser Chan's des Vertilgers der Wurzel der zehn Uebel in den zehn Gegenden, St.-Pbg., 1839.

которые справедливо являются гордостью нашего монголоведения»¹⁹.

Шмидт шел по непроторенной дороге и прокладывал пути будущим исследователям, о чем он писал в предисловии к своей грамматике: «Занимаясь оным (монгольским языком. — И. И.), я должен был бороться со многими трудностями: я вступил на такое поле, которого не только никто прежде меня не обрабатывал, но к которому еще никто и не прокладывал тропинки»²⁰.

Со смертью Шмидта (1847) монголоведная наука в АН замирает. Центром монголоведения в первой половине XIX в. становится Казань. Кафедру монгольского языка в Казанском университете возглавил О. М. Ковалевский (1801—1878)²¹.

Трудами Шмидта в Петербурге и Ковалевского в Казани в России первой половины XIX в. было положено начало комплексному изучению Монголии.

Во второй половине XIX в. Петербург вновь становится средоточием монголоведной науки. Востоковедные центры в нем размещались в университете на Факультете восточных языков и в АН. В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов XIX в. эти два центра настолько сближаются, что можно говорить о едином петербургском центре русского востоковедения²², вокруг которого объединились виднейшие русские монголисты — А. В. Попов, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев²³.

Советская наука получила богатое наследие от старого монголоведения как в области языка и литературы, так и в области изучения истории и других отраслей науки. Наследие это состояло главным образом из богатого фактического материала. Новый общественный строй, созданный Октябрьской революцией, и марксистско-ленинское понимание исторического процесса выдвинули принципиально новые задачи перед монголоведением. Это, естественно, сказалось и на тематике научно-исследовательских работ. В первые послереволюционные годы монголоведение наталкивалось на значительные трудности. Главная из них состояла в отсутствии

¹⁹ Г. Д. Санжеев, Изучение монгольского языка и литературы, — ТМИВ, № 5, 1947, стр. 297.

²⁰ Я. И. Шмидт, Грамматика монгольского языка, стр. IV.

²¹ Более подробно о научной деятельности и работах О. М. Ковалевского см.: W. Kotwicz, Jozef Kowalewski orientalista (1801—1878) ze wstepem Mariona Lewickiego. Bibliografia opracowana przez Marie Kotwiczównę oraz niewydana korespondencja Kowalewskiego, Wrocław, 1948. Г. Ф. Шамоу, Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете, — ОИРВ, II, 1956, стр. 118—181.

²² А. Н. Кононов, Востоковедение, — «История АН СССР», т. II, стр. 622.

²³ З. К. Касьяненко, Кафедра монгольской филологии, — УЗЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, 1960, стр. 58—62.

надлежащего количества квалифицированных кадров. Достаточно напомнить, что в 1917 г. в штате АМ монголоведов было двое — В. Л. Котвич и Б. Я. Владимирцов.

В. Л. Котвич (1872—1944), выдающийся представитель русского монголоведения, с 1916 по 1923 г. был сотрудником АМ²⁴.

Научная деятельность Котвича в бытность его в АМ была весьма плодотворна. Он описывал книги АМ на маньчжурском, монгольском и калмыцком языках. Много занимался русскими архивными и летописными материалами. В результате этого в 1919 г. он опубликовал ценную работу, посвященную многосторонним связям между русскими и ойратами в XVII—XVIII вв. В ней дается характеристика монгольских, китайских и маньчжурских источников по истории западных монголов (ойратов) XVII—XVIII вв.²⁵

В 1923 г. Котвич написал статью, в которой показал прогрессивную роль политических и культурных связей Монголии с Россией в период «монгольской автономии» (1911—1918)²⁶. В статье говорится об успехах МНРП в развитии национальной культуры монгольского народа. Надо иметь в виду, что вопросы истории монгольской революции в 20-х годах XX в. не находили еще должного отражения в нашей литературе, поэтому появление каждой отдельной статьи на эту тему являлось значительным событием в монголоведении.

Почетное место в истории русского монголоведения принадлежит акад. Б. Я. Владимирцову (1884—1931), который по праву считается основоположником советского монголоведения.

Ученик В. Л. Котвича и А. Д. Руднева, Владимирцов в 1909 г. по окончании университета был оставлен при монгольской кафедре для подготовки к профессорскому званию. Еще студентом он начал свои научные путешествия по Монголии. Экспедиции дали ему не только обильный текстологический материал, но и прекрасные знания языка и народной словесности монголов. Владимирцов прошел основательную лингвистическую школу. Он был знаком с санскритом, тибетским, китайским и маньчжурским языками. В 1912 г. уехал в заграничную командировку — в Англию и Францию. Находясь в Париже, он посещал лекции крупнейших лингвистов Фран-

²⁴ Записка об ученых трудах В. Л. Котвича, — ИРАН, VI сер., т. XVII, 1923, стр. 371—372. Подробнее о научной деятельности Котвича и список его трудов см.: «Memorial W. Kotwicz», — RO, XVI (1950), Kraków, 1953.

²⁵ В. Л. Котвич, Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв., — ИРАН, 1919, вып. I—III, Пг., 1921, стр. 791—822, 1071—1092, 1200—1214.

²⁶ В. Л. Котвич, Среди монгольских племен, — «Восток», 1923, № 2, стр. 118—125.

ции — Мейе, Бедье, Пеллио. В Британском музее Владимирцов изучал монгольские рукописи.

В 1915 г., возвратившись в Петроград, Владимирцов стал читать курс монгольского языка на Факультете восточных языков и в том же году начал работать в АМ, который не оставлял до конца своих дней ²⁷.

Научная деятельность Владимирцова отличается большой разносторонностью. Ему принадлежат более 60 научных работ, посвященных языку, письменности, литературе, устному народному творчеству, истории, этнографии и т. д.

Круг интересов Владимирцова в области монголоведения был так широк, что порою трудно было понять, что увлекает его сильнее. Но тем не менее, отмечал С. Ф. Ольденбург: «Если спросить, чем был более всего Борис Яковлевич как специалист-монголовед, то правильнее всего было бы, вероятно, ответить, что он прежде всего был историком» ²⁸. Однако А. Ю. Якубовский придерживался иного мнения. Он особо обратил внимание на то обстоятельство, что «Б. Я. Владимирцов официально считался филологом и лингвистом...» ²⁹. Даже эти немногие примеры убедительно говорят о том, что Владимирцов был человеком глубоко сведущим во многих областях монголоведения.

Важнейшим событием в истории монголоведения, а также и для всего советского востоковедения явилась книга Владимирцова об общественном строе монголов, увидевшая свет через три года после смерти автора ³⁰.

Ценность труда Владимирцова заключается в том, что в нем впервые в монголоведении освещены общественные отношения у монголов на протяжении XI—XVIII вв. Автору удалось успешно разработать такие вопросы истории Монголии, которые менее всего были ранее изучены. Он рассматривает феодальное общество Монголии в его возникновении и развитии. Путем выявления наиболее существенных «отклонений» от классических закономерностей Владимирцов показывает своеобразие феодального общества, основанного на кочевом скотоводческом хозяйстве. В этом труде нет пространных социологических обобщений, однако толкование отдельных фактов, которые приводятся автором, дает основание утверждать, что Владимирцов умело владел маркси-

²⁷ Подробные биобиблиографические сведения о Владимирцове см.: Н. П. Шастина, Борис Яковлевич Владимирцов, — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова», М., 1958, стр. 3—11.

²⁸ С. Ф. Ольденбург, Борис Яковлевич Владимирцов (некролог), — ИАН СССР, ООИ, № 8, 1932, стр. 668.

²⁹ А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — ОИРВ, [I], 1953, стр. 82.

³⁰ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.

стско-ленинской методологией. Владимирцов смог ответить на такие вопросы, которые никем до него даже не затрагивались³¹.

С именем Владимирцова связаны также важнейшие открытия в области монгольской филологии. В изучении истории монгольского языка его труды открыли новую страницу в языкознании. «Можно без всякого преувеличения сказать,— отмечает Санжеев,— что изучение различных сторон исторического развития монгольских языков и диалектов всегда и неизменно занимало главное и основное место в лингвистических исследованиях Б. Я. Владимирцова»³².

Владимирцов — также основоположник сравнительного изучения монгольских языков в СССР и сравнительного исследования монгольских, тюркских и маньчжуро-тангутских языков, объединяемых под общим названием «алтайских языков». Его капитальный труд по сравнительной грамматике монгольского письменного языка и халхаского наречия³³ знаменует собою целую эпоху в монгольском языкознании. В своей вводной части эта грамматика является подробным введением в изучение монгольских языков. В ней впервые точно определяется звуковая система халха-монгольского языка. Владимирцов дал классификацию монгольских диалектов и говоров, установил три периода в истории развития монгольского языка. Этот труд и поныне является гордостью советского монголоведения.

Много внимания уделил Владимирцов изучению монгольской литературы. Особенно большой интерес проявил он к героическому эпосу феодальной Монголии³⁴. Основной части исследования предпослано введение, которое дает читателю яркое представление о монгольском народном эпосе, его оригинальности и необычайном богатстве. В работе даны переводы нескольких наиболее значительных произведений ойратского эпоса, собранных автором.

Практическое и теоретическое значение его трудов в разработке важных монголоведных проблем принесло ему мировую известность.

Рукописное наследие Владимирцова довольно значительное. Однако обширные записи, лингвистические материалы,

³¹ Подробная характеристика трудов Владимирцова по истории Монголии дана в ст.: Г. Н. Румянцев, Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов,— «Филология и история. Памяти Владимирцова», М., 1958, стр. 59—81.

³² Г. Д. Санжеев, Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков,— «Филология и история. Памяти Владимирцова», стр. 12—40.

³³ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929.

³⁴ Б. Я. Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, Пг.—М., 1923.

дневники, заметки и другие работы, содержащие ценнейшие наблюдения, к сожалению, затерялись во время блокады Ленинграда и до сих пор не обнаружены.

Владимирцов был не чужд также организационной деятельности. Он являлся одним из основателей открытого в 1920 г. ЛИЖВЯ, был секретарем КВ при АМ, членом редакционной коллегии экспертов Восточного отдела издательства «Всемирная литература», секретарем ВОРАО, членом Восточной секции ИЛЯЗВ, основанного в 1921 г.

До самой кончины Б. Я. Владимирцов сохранил редкую работоспособность и интерес к науке. Он умер среди забот и дум о новых трудах. За день до кончины, 16 августа 1931 г., он, смертельно больной, продолжал работу над третьей частью «Общественного строя монголов». 17 августа он сделал в своем дневнике последнюю запись: «Болела голова, писал»³⁵. К вечеру его не стало. Выдающийся монголовед нашего времени ушел из науки в возрасте 47 лет, в расцвете творческих сил.

Живым наследием Владимирцова являются его ученики. Он не только заложил основы дальнейшего развития науки, определив пути, по которым она должна развиваться, но и подготовил людей, способных решать важнейшие проблемы монголоведной науки. Ему принадлежит большая заслуга и в подготовке национальных научных и практических кадров для Бурятии, Калмыкии и Монголии.

30-е годы ознаменовались бурным развитием монголоведения. Этому обстоятельству в большой степени способствовал целый ряд мероприятий, и в первую очередь реорганизация академических учреждений. В созданном в 1930 г. Институте востоковедения АН СССР появился Монголо-маньчжуро-тунгусский кабинет, позднее Монгольский, а с 1956 г. — Тюрко-монгольский, в котором объединились квалифицированные специалисты и наиболее способные питомцы ЛВИ, ЛИФЛИ и ЛГУ. Монгольский кабинет вскоре стал всесоюзным центром научной мысли в области монголоведения.

В 1933 г. при Монгольском кабинете ИВ была создана Ассоциация монголоведения, в ее задачи входило широкое обобщение всех монголоведных сил, в том числе и в национальных республиках, для лучшей координации и ликвидации параллелизма в разработке научных проблем; быстрая подготовка монголоведных кадров. Ассоциация должна была оказывать помощь в изучении истории, экономики, языка, литературы и других отраслей культуры монгольских народностей³⁶.

³⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. VI.

³⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1933), № 32.

Создание ассоциации³⁷ определило и дальнейший характер работы Монгольского кабинета. Следует отметить, что в то время из всех монголоведных дисциплин в ИВ лучше всего были разработаны и более обеспечены кадрами история, лингвистика и фольклор. Это и были те направления, по которым в 30-е годы развивалось монголоведение.

Если лингвистика обладала достаточно обширными собраниями материалов, позволявшими делать соответствующие исследовательские выводы, то история занимала особое положение. При наличии большого количества исторических работ не было критических изданий источников. Историкомонголисту не на что было опереться. Существовавшие издания Саган-Сэцэна и Алтан-тобчи не могли удовлетворить исследователя.

Поэтому основной задачей в то время была публикация литературных источников. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести следующий пример: в 1936 г. Институт мирового хозяйства обратился к Монгольскому кабинету с предложением написать историю монголов до XX в. Однако сотрудники кабинета решили, что «на данном этапе кабинет не может принять на себя составление сводной истории монголов. Тема в целом может быть поднята через некоторое время... Кабинет может дополнительно включить в свой план публикацию документов и источников, необходимых для составления истории МНР»³⁸.

Исходя из первоочередных задач, стоявших перед монголоведами, плановые работы кабинета были распределены следующим образом. Историки должны были заниматься публикацией письменных источников по истории монголов, бурят и калмыков; при этом предусматривалось не только издание текстов, как практиковалось ранее, но и переводы и исчерпывающие комментарии. В плане нашли отражение и вопросы новейшей истории Монголии. Литературоведам кабинета предстояло опубликовать фольклорные записи, лингвистам — составить монгольско-русский словарь литературного языка, разработать научные грамматики, расширить исследования в области монгольской и бурятской диалектологии³⁹.

Предполагалось научное описание коллекций Рукописного монгольского фонда.

Что касается других отраслей монголоведения, таких, как экономика, история литературы, изучение идеологий, то им в те годы не уделялось должного внимания из-за отсутствия специалистов.

³⁷ Там же.

³⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 40.

³⁹ Там же.

В области изучения истории Монголии в 30-е годы заметный след оставил В. А. Казакевич⁴⁰. В 1929 г. он был зачислен в АМ на должность научного сотрудника. Еще студентом был командирован в Монголию, где участвовал в работе пяти экспедиций. В 1932 г. АН командировала Казакевича в Германию и Францию для ознакомления с монгольскими рукописными фондами. В Сорбоннском университете он прочитал ряд научных докладов.

Казакевичу принадлежит около 30 печатных работ. Из них следует отметить труд, посвященный специальному исследованию монгольской топонимики⁴¹. До опубликования этой работы, кроме статьи Владимирцова «Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском»⁴², лишь частично касающейся некоторых названий, упоминаемых в тюркских орхонских надписях, по этому вопросу не было никаких исследований. Материалы, представленные Казакевичем в словаре, собирались им несколько лет во время его поездок в Монгольскую Народную Республику. Он перевел также с немецкого книгу Б. Лауфера «Очерк монгольской литературы» (издана под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова, Л., 1937).

Из работ, подготовленных Казакевичем к печати, назовем монгольскую летопись «Шара-туджи» (перевод, комментарии), документы по монгольскому революционному движению 1911 г. Кроме того, он также участвовал в коллективной работе по сверке трех версий текста летописи Саган-Сэцэна. Некоторые рукописи работ Казакевича хранятся в АВ (см. ф. 63).

Г. Н. Румянцев (1903—1966) — крупнейший специалист по истории калмыцкого и бурятского народов.

В 1931 г. по окончании Ленинградского восточного института работал в Рукописном отделе Восточной библиотеки ЛГУ над научным описанием монгольских рукописей. В 1932—1933 гг. — ассистент в ЛВИ, а с 1934 по 1939 г. — научный сотрудник Института востоковедения. С 1939 г. до конца жизни Румянцев работал в Улан-Удэ в БКНИИ СО АН СССР⁴³.

Румянцев прекрасно владел монгольским, ойратским и тибетским языками. Ему принадлежит более 100 печатных работ, преимущественно на исторические темы. Из работ, выполненных за время пребывания в ИВ, отметим подготов-

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 276.

⁴¹ В. А. Казакевич, Современная монгольская топонимика, Л., 1934 (Труды монгольской комиссии, № 13).

⁴² ДАН-В, 1929, стр. 169—174.

⁴³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 519, Список основных работ Г. Н. Румянцева см.: Н. П. Шастина, Некролог; Г. Н. Румянцев, — НАА, 1967, № 1, стр. 247—248.

ленный к печати сводный текст по семи спискам летописи Саган-Сэцэна под названием «Эрдэнийн тобчи» и ойратский текст биографии Заяпандита (1599—1662) исключительно по ойратским источникам с учетом всей литературы вопроса ⁴⁴.

Румянцев выполнял работы и лингвистического характера: он был соавтором вышедшего в свет монгольско-русского словаря К. М. Черемисова ⁴⁵ и соавтором Большого монгольско-русского литературного словаря.

Ценные рукописи и материалы, принадлежавшие Румянцеву, в том числе выписки и копии архивных документов по истории ойратов, собранные им в различных архивах СССР, хранятся в АВ ⁴⁶.

В. Д. Якимов занимался вопросами новейшей истории Монголии, экономикой МНР и ламаизмом. В 1932 г. окончил ЛВИ по Монголо-тибетскому отделению и был оставлен в аспирантуре, которую закончил в 1935 г. С того же года преподавал историю и экономику МНР в ЛВИ и ЛГУ. С 1937 по 1941 г. — научный сотрудник ИВ ⁴⁷. Был ученым секретарем Монгольского кабинета. В. Д. Якимов — участник Великой Отечественной войны, погиб на ленинградском фронте в конце 1941 г.

Якимов сотрудничал в журнале «Современная Монголия», где помещен ряд его статей под псевдонимом В. Даурский. В АВ (ф. 83) сохранились его рукописные работы и стенограммы лекций, читанных в 1938—1939 гг. в ЛВИ и ЛГУ ⁴⁸.

С. Д. Дылыков — историк Монголии. С 1929 г. учился во Владивостокском государственном университете на Китайском отделении. С 1934 по 1938 г. был аспирантом ИВ. С 1938 г. — мл. научный сотрудник Монгольского кабинета ИВ. С 1950 г. ст. научный сотрудник ИВ (Москва) доктор исторических наук Дылыков работал над исследованием «Халха-Джирум» — ценнейшего памятника монгольского феодального права XVIII в., а также истории Внутренней Монголии ⁴⁹.

⁴⁴ См. рук. АВ, Р. I, оп. 3, № 44.

⁴⁵ К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, Монгольско-русский словарь (по современной прессе), Л., 1937.

⁴⁶ Краткая аннотация к рукописным материалам Г. Н. Румянцева см.: И. И. Иориш, Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда, М., 1966, стр. 102—103.

⁴⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 704.

⁴⁸ В. Даурский, Джаса, — СМ, 1938, № 1 (26), стр. 3—17; его же, «Ламаизм, семья и половая мораль», — там же, стр. 61—65; его же, «Можно ли признать тибетскую медицину наукой?» — СМ, 1937, № 5 (24), стр. 58—71. Описание рукописных трудов В. Д. Якимова см.: Иориш, Материалы, стр. 104—109.

⁴⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 209; АВ, Р. I, оп. 3, № 50.

А. Ю. Якубовский (1886—1953) — один из виднейших историков-востоковедов. В 1913 г. он окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1920 г. поступил в Петроградский университет по восточному циклу и окончил его в 1924 г.⁵⁰ С 1933 по 1938 г. — сотрудник Среднеазиатского кабинета Института востоковедения.

Ученый широкого диапазона, Якубовский внес ценный вклад в разработку вопросов социальной истории монголов. Значительной работой по истории монголов является его книга о Золотой Орде⁵¹, написанная совместно с акад. Б. Д. Грековым. Эта книга имела большой успех у нас и за рубежом и переведена на многие языки. До выхода ее фактически не было работ, которые освещали бы вопросы возникновения, развития и упадка Золотой Орды с марксистских позиций.

Из других работ Якубовского, относящихся к истории Монголии, нужно отметить такие, как «Монгольская империя (XIII в.)» и рецензии⁵².

Изданная после смерти ученого работа «Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.»⁵³ — наиболее ценный труд в области истории русского монголоведения. Можно без преувеличения сказать, что в монголоведной литературе не найдется более яркой характеристики научных взглядов и трудов таких выдающихся историков-востоковедов, как Дегинь, Д'Оссон, Х. Френ, Н. Бичурин, В. Григорьев, В. Васильев, В. Бартольд, И. Березин и Б. Владимирцов, чем та, которая дана в работе Якубовского. В этой работе автор особенно ярко предстает пред нами как вдумчивый историк Монголии.

30-е годы ознаменовались крупными достижениями и в области исследования проблем монгольской филологии. Виднейшим представителем этой отрасли науки был акад. С. А. Козин (1879—1956), избравший своей специальностью историю монгольской литературы. Значительную долю своих научных занятий С. А. Козин посвятил также очень крупной и сложной теме — вопросу о происхождении и развитии монгольской письменности и монгольского языка.

С. А. Козин в 1899 г. поступил на Факультет восточных языков Петербургского университета. В том же году за уча-

⁵⁰ Список печатных трудов А. Ю. Якубовского и биографические сведения о нем см.: А. М. Беленицкий и М. М. Дьяконов, Памяти А. Ю. Якубовского, — КСИИМК, 1953, вып. 51, стр. 166—172.

⁵¹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, Л., 1937; изд. 2, 1941; изд. 3, 1950.

⁵² ИЖ, 1940, № 3, стр. 87—98; ИЖ, 1942, № 8, стр. 69—72.

⁵³ ОИРВ, 1953, стр. 30—95.

ствие в студенческом движении был выслан из Петербурга. В 1901 г. был под следствием по делу о покушении на министра внутренних дел. По отбытии трехмесячного одиночного заключения вторично был выслан из Петербурга под надзор полиции. По ходатайству факультета вновь был принят в университет, который окончил в 1903 г. по Китайско-монгольско-маньчжурскому разряду. С 1905 по 1919 г. Козин работал в Дальневосточном отделении Министерства финансов. Заведовал канцелярией по управлению калмыками, состоял советником по финансовой части при монгольском автономном правительстве. Будучи участником ряда экспедиций, он собирал материалы по языку, истории и экономике монголов и калмыков. Козин принимал участие в работе Ленинградской группы востоковедов по организации ЛИЖВЯ, в котором с 1920 по 1935 г. преподавал монгольский язык и литературу. С 1924 г. — научный сотрудник АМ. В 1927—1932 гг. заведовал Азиатским архивом АМ—ИВ. В марте 1941 г. — утвержден в ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. В сентябре 1943 г. избирается академиком. После восстановления Восточного факультета ЛГУ (1944) С. А. Козин стал его первым деканом. В 1945 г. утверждается в ученом звании профессора по кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ, которой заведовал до 1949 г.⁵⁴

С. А. Козин написал свыше тридцати крупных научных трудов.

Занимаясь изучением памятников монгольской литературы, Козин большое внимание уделил главному ее жанру — героическому эпосу. В «Гэсэриаде» Козин дает социальный и историко-литературный анализ этого важнейшего памятника монгольской литературы⁵⁵. Калмыцкий героический эпос «Джангар» является замечательным памятником устного творчества калмыцкого народа. До Октябрьской революции он был мало известен. Труд Козина знакомил широкие круги читателей с этим значительным произведением ойратского героического эпоса⁵⁶. С. А. Козину удалось также выполнить большую и трудную научную задачу по изданию полного текста, перевода и исследования «Сокровенного сказания»⁵⁷ — труд, требовавший огромного напряжения, а главное, чрезвычайно широких познаний в области монгольского языка XIII в., истории, а также высокой литературоведной

⁵⁴ ЛО ААН, ф. 4, оп. 4.

⁵⁵ С. А. Козин, Гэсэриада, М.—Л., 1935.

⁵⁶ С. А. Козин, Джангариада, М.—Л., 1940.

⁵⁷ С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань чжоу би ши. Монгольский обыденный изборник, т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии, М.—Л., 1941.

квалификации. Это исследование явилось плодом его упорного пятнадцатилетнего труда.

Предметом особенно глубокого изучения Козина были дипломатические письма иль-ханов Аргуна и Ульдзэиту⁵⁸. Исследование этих памятников, как известно, ведется уже на протяжении почти 150 лет. В этой связи уместно упомянуть о работах⁵⁹ наших монголоведов: В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова и Л. С. Пучковского. Справедливость требует, однако, особо подчеркнуть важность работ С. А. Козина, в которых он показал свои блестящие лингвистические познания.

В связи с изучением писем Аргуна и Ульдзэиту Козин исследовал отдельные вопросы монгольского синтаксиса, изложил свое совершенно новое понимание этих дипломатических документов и внес некоторые поправки в перевод В. Л. Котвича. Остановившись подробно на анализе этих памятников, С. А. Козин дал глубокую характеристику монгольского письменного языка первого периода его развития.

Академик С. А. Козин много и плодотворно работал по подготовке монголоведческих кадров. Большое внимание уделял он подготовке научных работников МНР. Он умело сочетал большую научную работу с общественной деятельностью — С. А. Козин был депутатом Василеостровского районного Совета депутатов трудящихся. С. А. Козин скончался в 1956 г.

Советское правительство высоко оценило заслуги Козина в развитии монголоведения, наградив его двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Малый Хурал наградил его за плодотворную научную работу по изучению монгольской литературы юбилейной медалью «20 лет МНР».

Имя Козина хорошо известно в нашей стране и за рубежом. Бесспорно, что в истории советского монголоведения он занимает исключительное место⁶⁰.

Рядом с С. А. Козиным стоит другой крупный деятель отечественного монголоведения, Ц. Ж. Жамцарано, — монголовед широкого диапазона.

⁵⁸ С. А. Козин, Язык первого периода истории монгольской литературы (По письмам персидских иль-ханов 1289—1305 гг.), — ИАН, ООИ, 1935, стр. 477—500; его же, К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских иль-ханов, — там же, стр. 645—655.

⁵⁹ В. Л. Котвич, Поправки к разбору монгольских писем персидских иль-ханов, стр. 342—344; Б. Я. Владимирцов, Об одном слове, встречающемся в грамоте Иль-хана Аргуна, — ДАН-В, 1929, стр. 152—153; Л. С. Пучковский, Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1289) и Ульдзэиту (1305), — СВ, (сб.), т. VI, стр. 396—422.

⁶⁰ «С. А. Козин (некролог)», — СВ, 1957, № 1, стр. 221.

В 1902 г. он приехал в Петербург, где посещал лекции на Факультете восточных языков университета в качестве вольнослушателя. Еще будучи студентом, Жамцарано обратил уже на себя внимание видных востоковедов, которые оказали большое влияние на дальнейшее развитие его научных интересов. Об этом он писал: «...Будучи вместе с Б. Б. Барадийным в С.-Петербургском университете, под благотворным влиянием таких лиц, как С. Ф. Ольденбург, Д. А. Клеменц, А. Д. Руднев, Вл. Л. Котвич и др., я получил возможность отдаться своему любимому делу спасения памятников народного творчества бурят»⁶¹. Начиная с 1903 г. Жамцарано совершил ряд поездок в Забайкалье и Монголию для сбора эпических произведений и этнографических материалов по поручению сначала АН, а затем — РКСА.

В 1907—1908 гг. Жамцарано преподавал монгольский язык на Факультете восточных языков, а затем работал научным сотрудником Русского музея; позже он преподавал монгольский язык в Практической восточной академии. В 1911 г. был арестован за участие в революционном движении и выслан из Петербурга по распоряжению МВД без права проживания в больших городах. С 1911 по 1917 г. работал в Монголии учителем первой светской школы. В 1918 г. — заместитель председателя Читинского облисполкома. В 1919—1920 гг. — лектор Иркутского государственного университета. В 1920 г. Жамцарано был командирован Дальневосточным секретариатом Коминтерна в МНР. В 1921 г. посетил Москву в качестве уполномоченного Монгольского временного правительства и ЦК МНРП для установления взаимоотношений между МНР и РСФСР, а также представлял МНРП на III Конгрессе Коминтерна. Состоял в течение нескольких лет (до 1925 г.) членом ЦК и ЦКК МНРП. С 1921 по 1931 г. являлся ученым секретарем Ученого комитета МНР. С 1932 г. — сотрудник Монгольского кабинета Института востоковедения. В 1935 г. «за выдающиеся, пользующиеся мировой известностью труды по фольклору бурят и монголов» Президиум Академии наук СССР присудил Ц. Ж. Жамцарано ученую степень доктора литературоведения⁶².

Перу Жамцарано принадлежат многочисленные работы, относящиеся к самым различным отраслям монголоведения — истории, этнографии, фольклору и религии. Он создал классический труд о монгольских исторических сочинениях XVII—XVIII вв., в котором содержится весьма подробный анализ наиболее значительных памятников монгольской историогра-

⁶¹ «Образцы народной словесности монгольских племен», т. I, вып. 3, Пг., 1918, стр. XII.

⁶² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 224.

фии того времени. Этот труд привлек внимание зарубежных ученых и был переведен на английский язык ⁶³.

На протяжении ряда лет Жамцарано работал над исследованием «Халха-Джирума» — ценнейшего памятника монгольского феодального права XVIII в. Краткое описание этого сборника законов было дано им еще в 1923 г. Затем, в 1959 г., проф. Б. Ринчен опубликовал в МНР перевод «Халха-Джирума», выполненный Ц. Ж. Жамцарано в ИВ в 1933—1937 гг., и, наконец, в 1965 г. ИНА АН СССР издал сводный монгольский текст «Халха-Джирума» с русским переводом Ц. Ж. Жамцарано, снабженный введением и примечаниями С. Д. Дылыкова ⁶⁴. «Халха-Джирум» содержит богатый материал по социально-экономическому строю, правовым отношениям и этнографии монголов и является одним из важнейших источников по истории Монголии.

В течение многих экспедиций Жамцарано собрал и записал огромное количество текстов сказок, былин, песен и других видов фольклора более чем на 10 языках и наречиях общим количеством около 150 печ. л. Ему «удалось собрать такое изумительное количество текстов, — отметил А. Д. Руднев, — какого не собрал, кажется, ни один другой собиратель ни у какого другого народа» ⁶⁵. В 1913 г. АН по инициативе С. Ф. Ольденбурга начала издание серии собранных Ц. Ж. Жамцарано «Образцов народной словесности монгольских племен», записанных у монголов, бурят и калмыков ⁶⁶.

Богатейшее рукописное наследие, очень разнообразное по содержанию: статьи, заметки, переводы памятников бурятского права, рабочие тетради, материалы по шаманству, культу Чингисхана, астрологии, тибетской медицине, буддизму, дневники, которые велись во время путешествий по Монголии и Забайкалью, — все это хранится в АВ (ф. 62). Жамцарано собрал ценнейшую коллекцию рукописей, представляющих собой жемчужину Рукописного монгольского фонда ЛО ИВ.

Полвека назад Жамцарано писал: «Все материалы — записи, рукописи, наблюдения — хранятся в Азиатском

⁶³ Ц. Ж. Жамцарано, Монгольские летописи XVII века, М.—Л., 1936 (ТИВАН, XVI); R. Loewenthal, The Mongols Chronicles of Seventeenth Century, by C. Z. Zamcarano, Wiesbaden, 1954 («Göttinger Asiatische Forschungen», Bd 3).

⁶⁴ Ц. Ж. Жамцарано и А. Н. Турунов, Халха Джирум — описание памятника, — СТГИУ, вып. 6, Иркутск, 1923; «Qalq-a Jirum». Traduit en russe par Dr. Zamcarano. Redigit prof. Dr. Rintchen, Улаанбаатор, 1959; «Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в.», М., 1965.

⁶⁵ «Образцы народной словесности монгольских племен», т. I, вып. 3, Пг., 1918, стр. III—IV.

⁶⁶ «Образцы народной словесности», т. I—III, вып. 1—3, Пг., 1918, стр. III—IV.

музее и будут по мере сил обрабатываться и печататься»⁶⁷.

Б. И. Панкратов — монголовед широкого диапазона. Свою востоковедную подготовку он получил во Владивостокском институте, который окончил в 1916 г. по Китайско-монгольскому отделению. Затем был оставлен при институте, где до 1924 г. преподавал монгольский и маньчжурский языки. С 1924 по 1935 г. состоял в качестве ученого специалиста по языкам Дальнего Востока при посольстве СССР в Пекине. С 1935 по 1942 г. — научный сотрудник Монгольского кабинета ИВ и одновременно преподаватель монгольского, тибетского и китайского языков в ЛВИ и ЛГУ. С 1942 по 1948 г. находился в распоряжении МИДа СССР. По возвращении снова работал в ИВ до 1963 г., когда ушел на пенсию⁶⁸.

Б. И. Панкратов — редкий специалист, сочетающий в себе прекрасное знание монгольского, китайского, маньчжурского и тибетского языков. За долгие годы жизни в Китае он собрал материал, который представляет исключительную ценность, по языкам Внутренней Монголии и древнемонгольскому языку в виде различных монголо-тибетских словарей XIV столетия.

В 1962 г. Панкратов издал текст «Сокровенного сказания»⁶⁹. Написанное им предисловие проливает свет на происхождение рукописи. Высказанные Панкратовым соображения относительно датировки памятника заслуживают серьезного внимания. Из работ, оставшихся в рукописи, стоит отметить монгольско-русский словарь (30 авт. л.) и исследование дагурского языка.

Т. А. Бурдукова, монголист-филолог, занимается языком и литературой монгольских народов.

С 1912 по 1922 г. Т. А. Бурдукова жила в Монголии, где знакомилась с разговорной речью и бытом монголов. В 1934 г. окончила ЛИФЛИ по Монгольскому отделению и в том же году поступила в ИВ, где работала до 1948 г. Одновременно она преподавала монгольский язык на северном факультете при ЛВИ, а также монгольский и сарт-калмыцкий языки на курсах нацменьшинств Советского Востока при Ленинградском пединституте им. Герцена. В 1945 г. Бурдукова защитила диссертацию на тему «Историческая хроника шираб-нимбо Хобитуева». Владея в совершенстве калмыцким языком, Т. А. Бурдукова неоднократно выезжала в научные экспедиции для изучения и собирания фольклора. Она уча-

⁶⁷ Там же, т. I, вып. 3, Пг., 1918, стр. XIII.

⁶⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 452.

⁶⁹ «Юань чао би ши (Секретная история монголов)», 15 цз., т. I, М., 1962.

ствовала в авторском коллективе монгольско-русского словаря, составила полную библиографию изданий на бурятском, калмыцком и монгольском языках и описание фольклорных коллекций Ц. Ж. Жамцарано, составила в соавторстве с А. В. Бурдуковым калмыцко-русский словарь, орфографически оформила монгольские слова в словарях А. В. Бурдукова, изданных ЛВИ, приготовила к печати ойратскую историю Гаван-Шараба.

А. И. Воробьева, монголист-филолог, занималась монгольским языкознанием.

В 1935 г. Воробьева окончила ЛВИ и была оставлена при нем в аспирантуре. После ликвидации ЛВИ перешла в аспирантуру ИВ, закончила ее, защитив в апреле 1941 г. кандидатскую диссертацию на тему «Синтаксис родительного и орудийного падежей монгольского языка». В том же году была принята в ИВ в качестве научного сотрудника Монгольского кабинета. 5 июля 1941 г. Воробьева ушла добровольцем в Советскую Армию и работала в медсанбате на Ленинградском и 1-м Белорусском фронтах. После демобилизации в 1946 г. вернулась в ИВ, где проработала до 1958 г.

В послевоенные годы А. И. Воробьева занималась исследованием монгольских грамматических сочинений⁷⁰ и Лхамсуреэна (введение, текст, перевод, комментарии), разработкой синтаксиса монгольского языка, результатом чего явился ее труд «Очерки по истории синтаксиса монгольского языка (простое и сложное предложение)», переводом летописи «Алтан-тобчи». Принимала участие в подготовке к изданию монгольско-русского словаря.

Е. П. Лебедева — специалист в области маньчжуро-тунгусской лингвистики. В 1932 г. она окончила ЛИЛИ. В 1936 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Наречия места в эвенкийском языке» и в том же году была зачислена научным сотрудником ИНС, где преподавала эвенкийский язык. С 1938 по 1940 г. Лебедева работала научным сотрудником Монгольского кабинета ИВ, где принимала участие в составлении монгольско-русского словаря. Лебедевой опубликована статья, в которой приводятся интересные сведения по родовому составу монголов на материале маньчжурских источников⁷¹.

О. В. Иванова — монголовед-филолог. В 1930 г. окончила ЛВИ по Монгольскому отделению. С 1939 по 1940 г. — на-

⁷⁰ А. И. Воробьева, Монгольское грамматическое сочинение «Kelençimeg», — ПВ, 1959, № 6, стр. 148—151.

⁷¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 357; Е. П. Лебедева, К вопросу о родовом составе монголов, — «Филология и история», М., 1958, стр. 219—227.

учный сотрудник Монгольского кабинета ИВ. В 1940 г. О. В. Иванова была в составе экспедиции по сбору предметов буддийского культа, отправленной в Бурятию. Известно, что она готовила к печати перевод на русский язык бурятской летописи «Бичихан Запискэ» и принимала участие в работе над монгольско-русским словарем⁷².

К. Н. Артемов — историк Монголии. Сотрудник Монгольского кабинета с 1936 (?) по 1940 г. О научной деятельности К. Н. Артемова имеются скудные данные. Известно, что он принимал участие в составлении монгольско-русского словаря⁷³.

Говоря о сотрудниках Монгольского кабинета 30-х годов, нельзя не упомянуть также таких известных монголистов, как Б. Б. Барадийн и А. В. Бурдуков⁷⁴, которые принимали деятельное участие в жизни коллектива, хотя и не были сотрудниками ИВ.

М. И. Тубянский — индолог. Изучив тибетский и монгольский языки, он внес свою лепту и в монголоведение. С 1927 по 1936 г. работал в Полпредстве СССР в МНР и ученым секретарем Ученого комитета МНР. За научно-организационную работу был награжден в 1936 г. орденом⁷⁵. Тубянский сотрудничал в журнале «Современная Монголия». Опубликовал ряд статей. К числу наиболее интересных из них следует отнести статью о монгольской литературе. Работа сохранила свою научную ценность до наших дней. Кроме того, им были сделаны переводы монгольских сочинений, посвященных вопросам монгольской экономики, быта, истории, литературы и т. п.⁷⁶.

Предметом постоянной заботы ИВ была подготовка монголоведческих кадров через аспирантуру и докторантуру. В 30-х годах мы видим в их составе А. Д. Калининкова, Гомбоджаб-Мэргэна, Т. К. Алексееву, Е. М. Залкинда, Д. Д. Амоголонова, А. М. Хамгашалова, С. Балдана.

А. Д. Калининков — историк Монголии. В 1935 г. он окончил аспирантуру ЛВИ и получил степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. В 1936 г. поступил в докторантуру ИВ, избрав темой своей докторской диссертации

⁷² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 259.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Подробнее о Бурдукове см.: Е. М. Даревская, Алексей Васильевич Бурдуков. О роли русских поселенцев в изучении Монголии, — ОИРВ, VI, М., 1963, стр. 187—217; А. В. Бурдуков, В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма, М., 1969.

⁷⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 610.

⁷⁶ М. И. Тубянский, Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода, — СМ, Уланбатор, 1935, № 5 (12), стр. 7—30; «Три главы из „Наставления“ То-вана», — СМ, Уланбатор, 1935, № 6, стр. 29—46; «Буян-чуулган. Скотоводческая техника чахаров», — СМ, Уланбатор, 1936, № 4, стр. 121—132.

ции один из этапов истории Монголии — «Автономная Внешняя Монголия» (1911—1918) ⁷⁷.

Калинников — автор более 30 работ по новейшей истории Монголии. Печатался в журнале «Современная Монголия» под псевдонимами «Эрдэни Очир» и «Антов». В возрасте 37 лет после тяжелой болезни он ушел из жизни, так и не закончив докторантуру.

Гомбоджаб-Мэргэн — монголист-филолог. В 1924 г. поступил в ЛИЖВЯ, а в 1937 г. — в аспирантуру ИВ. Избрал темой своих исследований монгольское сочинение «Цаган Тухе» ⁷⁸, являющееся древнейшим произведением на монгольском языке и одним из интереснейших памятников исторической литературы.

Т. К. Алексеева — монголист-этнограф. В 1937 г. окончила ЛИФЛИ по Северному отделению. С 1938 по 1940 и с 1945 по 1947 г. находилась в аспирантуре ИВ ⁷⁹. Т. К. Алексеева занималась обработкой обширных фольклорных материалов из области культовой мифологии, песнопений монгольских народов и шаманства, собранных ею в течение многих лет в Бурятии.

Е. М. Залкинд — историк Бурятии. В 1932 г. окончил ЛИЛИ. В 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию «Опыт исследования этногенеза и общественного устройства восточных эвенков». В 1938 г. поступил в докторантуру ИВ ⁸⁰ и стал изучать общественный строй бурят в XVII—XVIII вв.

Д. Д. Амоголонов — монголист-филолог. В 1937 г. окончил ЛИФЛИ, в 1939 г. был зачислен в аспирантуру ИВ. С началом Великой Отечественной войны Амоголонов вступил в ряды Народного ополчения ⁸¹. Амоголонов подготовил к печати орфографический словарь бурятского языка, проект перехода с латинского на русский алфавит.

А. М. Хамгашалов — монголист-филолог. В 1932 г. окончил Бурятский пединститут и в том же году поступил в аспирантуру ИВ. Работал над диссертацией на тему «Бурятско-монгольская поэтика». Им написан ценный труд, посвященный вопросу стихосложения в бурятском языке ⁸². Хамгашалов принимал участие в составлении литературной хрестоматии на монгольском языке.

С. Балдан — монголовед-филолог. В 1932 г. поступил в аспирантуру ИВ. Своей специальностью избрал монгольскую литературу ⁸³.

⁷⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 281.

⁷⁸ Там же, № 167.

⁷⁹ Там же, № 27.

⁸⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 243.

⁸¹ Там же, № 40.

⁸² А. М. Хамгашалов, Опыт исследования бурятско-монгольского стихосложения, Улан-Удэ, 1940.

⁸³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 62а.

В центре внимания Монгольского кабинета в 30—40-е годы находилась большая коллективная работа по составлению Большого академического монгольско-русского литературного словаря. Период после Октябрьской революции оказал огромное влияние на развитие и обогащение словарного состава, вследствие чего существовавшие словари перестали удовлетворять требованиям современности. Кроме того, они стали библиографической редкостью.

Работа над составлением словаря продолжалась пять лет (1937—1941). В ней участвовали как штатные сотрудники, так и договорники: Г. Д. Санжеев, Б. И. Панкратов, А. В. Бурдуков, В. А. Казакевич, К. М. Черемисов, Г. Н. Румянцев, Л. С. Пучковский, С. Д. Дылыков, Т. А. Бурдукова, Е. П. Лебедева, О. В. Иванова, К. Н. Артемов. Аспиранты: Л. Гомбоин, Гомбоджаб-Мэргэн, А. Хамгашалов, С. Балдан. К 1941 г. словарь в трех томах в объеме 200 авт. л. был подготовлен к печати, но в связи с войной издан не был.

Подытоживая все сказанное, можно с полной уверенностью констатировать, что этот период в истории советского монголоведения был наиболее богатым по количеству специалистов, наиболее плодотворным по количеству созданных работ и наиболее результативным по количеству разработанных проблем.

Отечественная война затормозила развитие монголоведения, но не приостановила его полностью. Свидетельством тому могут служить, например, неоднократные научные заседания членов Китайско-монгольского кабинета, на которых обсуждались актуальные для монголоведения проблемы.

В первые послевоенные годы деятельность монголистов сосредоточилась на описании монгольских рукописей и на составлении «дополнений» к монгольско-русскому словарю.

Вопросу научного описания богатейшего собрания монгольских рукописей и ксилографов придавалось огромное значение еще со времени создания АМ. Каталогизацией, инвентаризацией, подготовкой к научным описаниям занимались В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Ц. Ж. Жамцарано, В. А. Казакевич, Л. С. Пучковский, Б. И. Панкратов, Г. Н. Румянцев и др. Это было и до сего времени остается одним из важных направлений монголоведения в стенах ЛО ИВ.

На этом участке в течение целого ряда лет работал Л. С. Пучковский (1899—1970).

Л. С. Пучковский — монголист-филолог. В ИВ он начал работу в 1932 г. в качестве научного сотрудника и секретаря Монгольского кабинета, в 1945 г. защитил диссертацию на тему «Монгольские документы эпистолярного характера». С 1945 по 1950 г. по совместительству работал старшим пре-

подавателем кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ. В 1965 г. вышел на пенсию ⁸⁴.

Среди трудов Л. С. Пучковского имеется интересная работа по монгольской историографии ⁸⁵ — области малоразработанной. В ней он рассматривает вопросы возникновения и развития монгольской феодальной историографии с древнейших времен, подробно излагает содержание отдельных исторических летописей и выделяет их особенности. Одна из статей о датировке монгольской летописи «Болор-толи» опубликована на английском языке в журнале Венгерской Академии наук ⁸⁶.

Большой труд Пучковского — описание монгольских письменных памятников, хранящихся в ЛО ИВ ⁸⁷, является настольной книгой каждого монголоведа, занимающегося вопросами истории и права монгольских народов. Пучковский опубликовал небольшое количество работ, однако работы, увидевшие свет, получили признание не только у нас, но и среди зарубежных монголоведов.

С 1960 г. и по настоящее время обработкой Монгольского рукописного фонда занимается Т. П. Горегляд. За истекший период она составила инвентарь монгольских рукописей и ксилографов и приступила затем к работе над кратким описанием рукописей и ксилографов Монгольского рукописного фонда.

Большая коллективная работа Монгольского сектора — подготовка к изданию монгольско-русского словаря — стала в центре внимания монголистов. Это было вызвано тем, что составленный до 1941 г. монгольско-русский словарь на базе монгольского письменного языка требовал дополнений его материалом по новой монгольской прессе, отражающей современную монгольскую лексику, особенно периода Отечественной войны. Всю работу по дополнению и реконструированию словаря предполагалось завершить в 1952 г. Это требовало усилий целой группы специалистов. К ней были привлечены С. А. Козин (рук.), Б. И. Панкратов, А. И. Воробьева, А. П. Конаков. Для редактирования и подготовки словаря к печати были приглашены Д. А. Алексеев, Ц. Дамдинсурэн и сотрудник Рукописного отдела К. М. Черемисов. Однако работа над словарем не была закончена. В настоя-

⁸⁴ Там же, № 492, Л. С. Пучковский (1899—1970), некролог, — НАА, 1970, № 4.

⁸⁵ Л. С. Пучковский, Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв., — УЗИВАН, 1953, т. VI, стр. 131—166.

⁸⁶ «The Date of the Composition of the Bolor toli», — АО, Bud, t. XVI, 1963, стр. 217—223.

⁸⁷ Л. С. Пучковский, Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения, I. История, право, М.—Л., 1957.

щее время словарь (в первоначальной редакции) хранится в АВ⁸⁸.

В послевоенные годы кроме основных направлений, о которых было сказано выше, внимание некоторых монголоведов было привлечено и к другим проблемам.

А. П. Конаков — филолог. В 1938 г. был зачислен в аспирантуру ИВ, которую окончил в 1941 г., защитив кандидатскую диссертацию. В том же году ушел в армию. Вернулся в ИВ в 1946 г., где проработал до 1950 г.⁸⁹ В его научные планы входило участие в составлении монгольско-русского словаря и написание очерков по истории монгольского языка древнего периода.

Н. П. Шастина — историк Монголии. С 1924 по 1937 г. жила в МНР. В Монгольском кабинете ИВ — с 1947 г. В 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии». С 1951 г. свою научную деятельность она продолжает в Москве (ИВАН СССР). Н. П. Шастиной принадлежит более 20 печатных работ. Она написала статью об Алтын-ханах Западной Монголии, работала над подготовкой к изданию монгольской летописи «Шара-Туджи»⁹⁰, занималась исследованием русско-монгольских дипломатических отношений в XVII в., принимала участие в составлении «Истории МНР».

В середине 40-х годов в составе аспирантуры и докторантуры ИВ находились Д. А. Алексеев, Ц. Дамдинсурэн и Н. О. Шаракишинова.

Д. А. Алексеев — видный специалист в области монгольской филологии. В 1938 г. был принят в аспирантуру ИВ, которую закончил в 1940 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему «Наречие в бурят-монгольском языке». С 1945 по 1948 г. Д. А. Алексеев — докторант ИВ и параллельно — преподаватель ЛГУ. С 1949 г. по настоящее время — заведующий кафедрой монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ⁹¹.

Ц. Дамдинсурэн — монголовед-филолог, в настоящее время действительный член АН МНР, выдающийся монгольский

⁸⁸ АВ, Р. I, оп. 3, № 62. В АВ хранятся также десятки ящиков карточек этого словаря.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 316.

⁹⁰ Там же, № 671; Н. П. Шастина, Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в., — СВ (сб.), VI, 1949, стр. 383—395; «Шара-Туджи» — монгольская летопись XVII в., М.—Л., 1957.

⁹¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 24. Список работ Д. А. Алексеева см.: Н. Б. Дугаров, Библиография литературы по бурятскому языкознанию, Улан-Удэ, 1964, стр. 10, 12, 14, 34, 35, 40, 41, 53, 73, 81, 87, 121; Указатель изданий БКНИИ СО АН СССР (1959—1962 гг.), Улан-Удэ, 1964, стр. 42—47. О нем: «Свет над Байкалом», 1959, № 1, стр. 152—153; «Правда Бурятии», 24.XII.1958.

писатель. В 1946 г. поступил в аспирантуру ИВ. В 1950 г. успешно защитил диссертацию на тему «Исторические корни Гэсэриады». Тщательно изучив монгольские, бурятские и тибетские версии «Гэсэриады», Ц. Дамдинсурэн пришел к очень важным выводам о происхождении и характере этой поэмы. Большой научный интерес представляет поставленный автором вопрос об историчности Гэсэра⁹².

Н. О. Шаракшинова специализировалась по бурятской литературе. В 1946 г. зачислена в аспирантуру ИВ. Темой своей кандидатской диссертации она избрала «Героический эпос бурят-монголов Усть-Ордынского национального округа», защитила ее в 1950 г. и уехала в Иркутск.

В 50-е годы монголоведение в ИВ, сохранив основные направления, обратило особое внимание и на изучение истории русского монголоведения. Этим вопросом с 1955 г. занимается сотрудник Турко-монгольского кабинета И. И. Иориш.

В процессе работы над темой «История отечественного монголоведения» автор особое место отводит описанию рукописного наследия отечественных востоковедов. И. И. Иориш имеет несколько печатных работ по избранной теме⁹³.

Важное значение для монголистики имел 1954 год. Он отмечен прежде всего появлением в печати большого коллективного труда по истории МНР⁹⁴ — результата долголетней совместной работы советских и монгольских ученых — историков, археологов, лингвистов. В авторской работе по составлению однотомника «История МНР» приняли участие ленинградские ученые: член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, С. Д. Дылыков, Б. И. Панкратов, Н. П. Шастина, один из главных редакторов — акад. С. А. Козин.

Дальнейшими планами ЛО ИВ предусмотрено издание важнейших рукописных памятников.

Рассказывая об истории изучения монголоведения в нашем институте, нельзя не упомянуть о научных связях, которые во все годы имели большое значение. Однако сохранившиеся материалы о дооктябрьских связях весьма скудны. Некоторые представления об этом могут дать письма, дневники, отчеты экспедиции, хранящиеся в АВ.

После Октябрьской революции культурные связи заметно упрочились. Одним из их проявлений были многочисленные научные экспедиции разных профилей. Начиная с 1925 г. вся экспедиционная работа была сосредоточена в Монгольской

⁹² Ц. Дамдинсурэн, Исторические корни Гэсэриады, М., 1957.

⁹³ И. И. Иориш, История Монголии в трудах ленинградских ориенталистов, — УЗИВАН, т. XXV. 1960, стр. 108—117; А. М. Позднеев — калмыковед, — Зап. КНИИЯЛИ, 1960, вып. I, стр. 207—217; Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика, М., 1966.

⁹⁴ «История Монгольской Народной Республики», М., 1954.

комиссии (МОНК), учрежденной при СНК по инициативе С. Ф. Ольденбурга. В 1927 г. эта комиссия была передана в АН СССР.

Важным этапом в развитии научных связей МНР и СССР следует считать договор от 27 февраля 1946 г. об экономическом и культурном сотрудничестве, которым специально предусматривалось дальнейшее расширение исследовательских работ АН СССР и Ученого комитета МНР, а также установление систематического обмена научной информацией и специалистами.

В соответствии с этим соглашением акад. С. А. Козин составил пятилетний план (1947—1951) работ Монголоведческой филологической секции комплексной экспедиции АН СССР в МНР. В состав секции входили: акад. С. А. Козин (общее руководство), докторант Д. А. Алексеев (непосредственный руководитель секции), Л. С. Пучковский, Т. А. Бурдукова (сотрудники ИВ), ассистент ЛГУ В. М. Надеяев и аспирантка Т. К. Алексеева. Планом предусматривалось также при содействии Комитета наук МНР и под руководством Д. А. Алексеева провести районные диалектологические обследования, организовать прочную и регулярную связь ленинградских монголоведов с коллективами Комитета наук МНР и Улан-Баторского государственного университета, вести работу по собиранию и совместному изданию памятников народного творчества монголов⁹⁵.

В последние годы ученые ЛО ИВ установили еще более тесные связи с учеными МНР. В 1965 г. мы принимали у себя крупнейшего монгольского писателя, видного востоковеда Ц. Дамдинсурэна, действительного члена АН МНР Б. Ринчена, ученого секретаря Института языка и литературы АН МНР Соном Лувсанвандана. На совместном заседании тюрко-монгольского кабинета ИВ и кафедры монгольской филологии ЛГУ он сделал сообщение о работе института. На заседании было выражено единодушное мнение о дальнейшем укреплении и развитии деловых контактов между монголоведами Ленинграда и учеными МНР.

В 1966 г. ЛО ИВ посетили Э. Вандуй — зав. сектором Института языка и литературы АН МНР и Цэнд — ученый того же института. Сообщения, сделанные ими на заседании кабинета о состоянии работы института и его перспективах, а также живой обмен мнениями позволили еще лучше укрепить научные контакты.

Научные связи с зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными находят свое выражение также и в выполнении заказов на микрофильмы и фотокопии монгольских рукописей ксилографов собрания ЛО ИВ.

⁹⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1947), № 3, № 21.

В развитии международных научных связей большую роль сыграл XXV МКВ. Установлены были личные контакты, значительно увеличились письменные связи и обмен литературой по специальностям. На конгрессе Л. С. Пучковский выступил с докладом «Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII — XIX вв.». Многие делегаты из МНР посетили Тюрко-монгольский кабинет.

В настоящее время налажена постоянная связь Тюрко-монгольского кабинета с рядом научных учреждений и организаций Ленинграда: с Институтом этнографии, Географическим обществом, кафедрой монгольской филологии ЛГУ и Ленинградским отделением Института языкознания.

Такова в общих чертах картина изучения Монголии за 150 лет в стенах нашего института. В небольшом очерке нет возможности дать исчерпывающий обзор и характеристику многочисленных работ, связанных с различными вопросами монголоведения, даже упомянуть о некоторых из них. Однако, думается, приведенные сведения все же дают представление о том, какой огромный путь проделало отечественное монголоведение.